

83.3(2=411.2)6-8

Б42

СА-399574

АНТОЛОГИЯ
МЫСЛИ

М. А. Бекетова

АЛЕКСАНДР БЛОК

 юрайт
издательство
biblio-online.ru

М. А. Бекетова

АЛЕКСАНДР БЛОК

✓

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Государственное учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оглавление

От автора	9
Глава первая.....	13
Глава вторая	20
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая.....	45
Глава шестая	59
Глава седьмая	73
Глава восьмая.....	90
Глава девятая	105
Глава десятая.....	125
Глава одиннадцатая.....	131
Глава двенадцатая	146
Глава тринадцатая	159
Глава четырнадцатая	172
Глава пятнадцатая	182
Глава шестнадцатая.....	194
Новые издания по дисциплине «История отечественной литературы» и смежным дисциплинам.....	205

ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ МАТЕРИ ПОЭТА

К первому изданию

Взяв на себя трудную задачу написать биографию А. А. Блока, я предупреждаю заранее, что это не более, как несовершенная попытка дать краткий очерк жизни поэта, дополняющий воспоминания его современников. Он родился и жил до девяти лет в доме моего отца (своего деда). Мне, как тете его, связанной близкой дружбой с его матерью, известны многие факты его жизни. Поэтому я и стала на себе смелость писать о нем именно теперь, когда его личность биография не может быть написана по вполне понятным причинам.

М. Б.

1922 г.

От автора

К первому изданию

Взяв на себя трудную задачу написать биографию Ал. Блока, я предупреждаю заранее, что это не более, как несовершенная попытка дать краткий очерк жизни поэта, дополняющий воспоминания его современников. Он родился и жил до девяти лет в доме моего отца (своего деда). Мне, как тетке его, связанной близкой дружбой с его матерью, известны многие факты его жизни. Поэтому я и взяла на себя смелость писать о нем именно теперь, когда его полная биография не может быть написана по вполне понятным причинам.

М. Б.

1922 г.

Глава первая

Фамилия Александра Александровича Блока — немецкая. Его дед по отцу вел свой род от врача императрицы Елизаветы Петровны, Ивана Леонтьевича Блока, мекленбургского выходца и дворянина, получившего образование на медицинском факультете одного из германских университетов и прибывшего в Россию в 1755 году.

Врач Иван Леонтьевич Блок принимал участие в семилетней войне. При Екатерине II он был лейб-хирургом и сопровождал Павла за границу. При Павле пожаловано ему было в Ямбургском уезде имение. В словаре Плюшара против его имени стоит краткое — литератор.

Сын его, Александр Иванович, занимавший различные придворные должности при Николае I, был особенно взыскан милостями этого царя, который наградил его несколькими именьями в разных уездах Петербургской губернии.

Впоследствии все его огромное состояние распределилось между членами многочисленной семьи, состоявшей из четырех сыновей и четырех дочерей, а до следующего поколения дошло уже в значительно уменьшенном виде.

Один из четырех сыновей Александра Ивановича Блока, Лев Александрович, был родной дед поэта. Все его братья начали свою карьеру с военной службы, а Константин продолжал ее и до конца, приняв в свое время участие в Туркестанском и Турецком походах.

Лев Александрович получил образование в Училище правоведения. Его школьными товарищами были Победоносцев и Иван Сергеевич Аксаков. По окончании курса он служил в сенате, был послан на ревизию и получил звание камер-юнкера. Затем гдовское дворянство выбрало его своим предводителем; в один из своих наездов в город Псков он познакомился с семьей тамошнего губернатора Черкасова и женился на одной из его дочерей, Ариадне Александровне, девушке необычайной красоты.

Прадед поэта, Александр Львович Черкасов, судя по скудным сведениям, дошедшим до нашего времени, слыл чело-

Глава четвертая

Александра Андреевна с сыном переехала на новую квартиру, в казармы лейб-гренадерского полка. Казармы эти — на Петербургской стороне, на небережной Невки, близко от Ботанического сада. Здесь Блок прожил лет пятнадцать. Он любил это место. Оно живописно по своему. Невка здесь очень широка, из окон казармы были видны на противоположном берегу огромные фабрики с трубами, а по реке весной и до глубокой осени сновали пароходы, барки, ялики, катера. Квартиры менялись сообразно чинам Франца Феликсовича. У Блока всегда была своя комната, обставленная уютно и удобно. Вскоре после переселения у него завелся товарищ по играм, сын одного из офицеров, Виша (Виктор) Грек.

Отдельная комната, хорошие игрушки и ласковое обхождение Александры Андреевны привлекали этого мальчика, а потом стала ходить и девочка — Наташа Иванова. По вечерам дети играли втроем, но особенного веселья не выходило. Зимой на Невке устроили каток. Саше купили коньки, он быстро выучился кататься, но простужался, и пришлось это оставить. В то время были у него разные домашние занятия, которые ему нравились: выпиливание, разрисовывание майоликовых вещиц, а главное — переплетание книг. Это очень его увлекало. Купили ему станок, позвали солдата-переплетчика, который дал ему несколько уроков, и мальчик выучился переплетать на славу. В семье хранятся переплетенные им книги.

Отчим относился к нему равнодушно, не входил в его жизнь. Но Блок проходил как-то мимо этого. Об отношениях отца с матерью он тоже никогда не спрашивал.

Между тем, мать задумала отдать его в гимназию. Ей казалось, что это будет ему занятно и полезно. Но она ошиблась... На лето приглашен был учитель, студент юрист Вячеслав Михайлович Грибовский, впоследствии профессор по кафедре гражданского права. Студент оказался веселый и милый, не томил Сашу науками и в свободное время пускал с ним кораблики в ручье возле пруда. В августе 1889 года отправились поступать в гимназию. Впоследствии она была переименована

Я думал, буду славой громок,
Благословит меня потомок.
Вотще! Какой-то педагог,
Исполнен тупости немецкой,
Меня соделал казнью детской,
И проклинает меня Блок.
Когда б вперед я это знал,
Я б комментарий не писал.

В одном из номеров «Вестника» в 1894 году помещена милая сказка «Летом». Действующие лица — жуки и муравьи. Стихотворений того времени довольно много, и, между прочим, «Судьба», написанная размером баллады «Замок Смальгольм» Жуковского, в то время любимого поэта Блока. Вот одно из лирических стихотворений этого времени:

Посвящается маме

Серебристыми крылами
Зыбь речную задевая,
Над лазурными водами
Мчится чайка молодая.
На воде букеты лилий,
Солнца луч на них играет,
И из струй реки глубокой
Стая рыбок выплывает.
Облака плывут по небу.
Журавли летят высоко,
Гимн поют хвалебный Фебу,
Чуть колышется осока.

Но лучше всего удавались ему в то время юмористические стихотворения, которых было несколько. Вот одно из них:

Мечты.

Пародия на что-то.

Мечты, мечты!
Где ваша сладость?

Благодарю всех греческих богов,
(Начну от Зевса, кончу Артемидой)
За то, что я опять увижу тень лесов,

Надевши серую и грязную хламиду.
Читатель! Знай: хламидой называю то,
Что попросту есть старое пальто;
Хотя пальто я примешал для смеха,
Ведь летом в нем ходить — ужасная потеха!
Подкладка вся в дегтю, до локтя рукава.
Я в нем теряю все классические права,
Хотя я гимназист, и пятого уж класса,
Но все же на пальто большая грязи масса.

Ну вот, я, кажется, немного заболтался,
(Признаться, этого-то я и опасался!)
Ведь я хотел писать довольно много,
Хотел я лето описать,
И грязь, и пыльную дорогу...
И что ж!? Мне лень писать опять!

Такой уж мой удел проклятый.
Как только рифмою крылатой
Меня наделит Муза, вновь
Под голову подкладываю руку
И на диван ложусь; читаю только «Новь»,
При этом чувствую ужаснейшую скуку...

Читатель! Если ты прочтешь
Сей дивный стих хоть семь раз кряду.
Морали общей не найдешь!!!

Чтением в гимназические годы Блок не очень увлекался. Классиков русских не оценил, даже скучал над ними. Любил Пушкина и Жуковского, любил Диккенса, которого читал тогда в пересказах для детей, и отдал дань Майн Риду, Куперу и Жюль-Верну. «Робинзон Крузо» ему не нравился.

Зато в средних классах гимназии пристрастился он к театру. Ему было лет тринадцать, когда мать повела его впервые в Александрийский театр на толстовские «Плоды просвещения». Это был утренний воскресный спектакль, исполнение было посредственное, но все вместе произвело на поэта сильнейшее впечатление.

С этих пор он стал постоянно стремиться в театр, увлекался Далматовым и Дальским, в то же время замечая все их слабости и умея их в совершенстве представлять. А вскоре и сам стал мечтать об актерской карьере.

Рисунок Блока из его журнала «Вестник» 1897 г. Январь.
Его интересно сопоставить с мотивами «Двенадцати».

Глава пятая

Наш отец дружески сошелся с Дмитрием Ивановичем Менделеевым, когда мы были еще детьми. Он благоговел, перед его гениальностью и восхищался своеобразностью его нрава. Чаше всего бывал у нас Дмитрий Иванович во время ректорства отца. С матерью нашей он тоже был хорош, да и ко всей семье расположился. Тут была не одна симпатия, но также и то обстоятельство, что мои родители оказали ему большую нравственную поддержку в трудную минуту его жизни. Своеобразная и крупная фигура Дмитрия Ивановича часто появлялась в нашем доме. Бывал он и в Шахматове, которое куплено по его совету. Приезжал он обычно один, в тележке, под сидением которой оказывались привезенные для нашей матери бесчисленные тома Рокамболя и других книг в том же роде. Такое чтение было его любимым отдохновением после научных трудов, которым он предавался со свойственной ему страстностью. Он проводил у нас целые часы в интересной беседе, среди клубов табачного дыма, и уезжал в свое Боблово, расположенное в 8-ми верстах. Боблово куплено Менделеевым гораздо раньше нашего Шахматова. Оно значительно больше его по количеству десятин, не так уютно, но как самая усадьба, так и местоположение — грандиознее. Бобловская гора — высочайшая во всей округе. Отсюда открываются необъятные дали. Когда Дмитрий Иванович развелся с первой женой и вступил во второй брак с Анной Ивановной Поповой, он оставил старый дом и построил новый на открытом месте, выбрав для усадьбы самую высокую часть горы, из которой пробивался ключ студеной воды прекрасного вкуса, прославленный еще со времени прежнего владельца. Тут был устроен колодезь, а в нескольких саженях от него воздвигнут был и дом, большой, двухэтажный; верхний этаж, деревянный, нижний, каменный, с толстыми стенами — сложен был особенно крепко во избежание сотрясения при каких-то сложных химических опытах, которые Дмитрий Иванович собирался производить в своей деревенской лаборатории.

Эта комната, где Менделеев проводил большую часть времени, напоминала своей причудливой обстановкой каби-

нет доктора Фауста. Окна ее выходили в сад, где приковывал взгляд величавый дуб, которому не менее трехсот лет; он был еще свеж и могуч, но его многообхватный ствол дал местами трещины и был скреплен железом. В новом доме было две террасы: нижняя, обвитая снаружи диким виноградом, и верхняя — открытая. Здесь играли дети. Перед домом развели прекрасные цветники и сад с фруктовыми деревьями и ягодником. От прежних времен остался старый парк. В усадьбе построили баню, флигеля, все необходимые службы. Она была далеко не так поэтична и уютна, как старое Шахматово, но на ней лежал отпечаток широких замыслов ее гениального хозяина.

Во втором браке у Менделеева было четверо детей: два сына и две дочери. Старшая, Любовь Дмитриевна, жена поэта, лишь на год с небольшим моложе своего мужа. Она родилась также, как и он, в стенах петербургского университета. Когда Саше Блоку было три года, а Любе Менделеевой два, они встречались на прогулках с нянями. Одна няня вела за ручку крупную, розовую девочку в шубке и капоре из золотистого плюша, другая вела рослого розового мальчика в темно-синей шубке и таком же капоре. В то время они встречались и расходились незнакомые друг другу. А Дмитрий Иванович, придя в ректорский дом, спрашивал у бабушки: «Ваш принц что делает? А наша принцесса пошла гулять». Летом обоих увозили в Московскую губернию, на зеленые просторы полей и лесов.

Сознательно они встретились в первый раз в Боблове, когда Ал. Ал. было 14, а Л. Дм. — 13 лет. Приезжал Блок с дедушкой. Дети Менделеевы показывали ему свой сад, свое «дерево детей капитана Гранта». Все они вместе гуляли, лазали по деревьям, играли. Л. Дм. в те времена училась в гимназии Шаффе, где потом и кончила с медалью.

Вторая встреча произошла через три года после этого, когда Блок только что кончил гимназию.

Ал. Ал. приехал в Боблово верхом на своем высоком, статном белом коне, о котором не один раз упоминается в его стихах и в «Возмездии». Он ходил тогда в штатском, а для верховой езды надевал длинные русские сапоги. Люб. Дм. носила розовые платья, а великолепные золотистые волосы заплетала в косу. Нежный бело-розовый цвет лица, черные брови, детские голубые глаза и строгий, неприступный вид. Такова была Любовь Дмитриевна того времени.

Эта вторая встреча определила их судьбу. Оба сразу произвели друг на друга глубокое впечатление.

Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902).

Глава восьмая

Вернувшись в Петербург, Блок продолжает вести все ту же беспокойную жизнь. Но его заботит болезнь матери; он часто пишет ей, уговаривает ее бросить Ревель и переселиться в Петербург, а потом посоветоваться с кем-нибудь из петербургских докторов и уехать в санаторию.

Весь январь он наводит справки о санаториях, приискивает подходящего доктора. Он зовет мать к себе и для удобства совместной жизни присоединяет к своей квартире еще две комнаты из соседней квартиры. Матери предоставляет просторное помещение в два окна. За перестановку вещей он, по обыкновению, принимается с жаром и все время доволен тем, что выходит по новому и притом гораздо удобнее, просторнее и красивее прежнего. В письме к матери от 18 янв. 1910 г. он горячо уговаривает ее отказаться от визитов и других светских обязанностей. Письмо его на эту тему очень характерно.

«За то, что ты делаешь визиты, а Франции тебе это позволяет, я прямо сержусь на вас обоих. Всякому человеку нужно быть, хотя бы до *minimum*'а таким, каков он есть, существуют черты, которых не преодолеешь. Таковы для нас с тобой (обоих соверш. одинаково) — отношения к «обыкновенным», посторонним «ближним». Я знаю твердо, что если я начну «исполнять обязанности», вроде твоих (хотя бы, по отнош. к родственникам Марьи Тимоф. Блок, или к своим), то я долго не выдержу. Потому я поневоле (по обязанности перед самим собой) должен экономить себя — и ни за что не отдам ни одной части своей души (или «досуга», или времени) таким посторонним людям. В противном случае — я могу сойти с ума без всяких преувеличений.

(Ни о карьере, ни о спасении приличий уже не может быть и речи, при условии твоих припадков)».

Здесь Ал. Ал. говорит о тех припадках эпилептического характера, которым подвержена была его мать. Доктора называют их «эпилептоидами». Они связаны с болезнью сердца и начинаются с момента неопишуемого блаженства или страдания, затем краткого беспамятства. Они сопровождаются

известной степенью духовного просветления и очень тяжелы по своим последствиям: потеря памяти, растерянное и удрученное состояние; обычные явления жизни получают характер чего-то дикого и страшного.

Блок торопит мать скорее бросить Ревель, скорее переезжать в Петербург. По этому поводу он пишет 29 янв.: «Прямо в санаторию ехать не следует, уже потому, что тебе нужно «выговориться» со мной...» и 22 января: «Экономить на этом ни в коем случае нельзя, вообще, надо отнестись к этому очень серьезно, а деньги (хотя бы часть) взять у меня, это будет для меня первая настоящая, реальная и приятная трата (кроме Шахматова)».

Среди всех этих дел и забот возникает новый животрепещущий интерес. Почти в каждом письме к матери говорится о комете Галлея и о другой, которая должна появиться в январе 1910 года.

11 янв.: «Известно ли тебе, что кроме кометы Галлея (безопасной, вроде Нат. Ник.) идет другая неизвестная — настоящая незнакомка? Хвост ее, состоящий из синерода (отсюда — синий взор) может отравить нашу атмосферу, и все мы, помирившись перед смертью, сладко заснем от горького запаха миндаля в тихую ночь, глядя на красивую комету...» «Я очень оживлен, — пишет он 13 января, — комета, разумеется, главная причина».

Но обе кометы оказались безопасными: «О комете я как то перестал думать или думаю редко» (27 янв.).

Мать приехала к сыну в Петербург в начале февраля, а в марте муж увез ее в санаторию доктора Соловьева в Сокольники, подле Москвы.

Ал. Ал. продолжает писать матери также часто и в санаторию, где она пробыла тогда пять месяцев. Лето выдалось жаркое, условия санатории были хорошие.

В начале апреля Ал. Ал. пишет матери о смерти Врубеля, описывает его похороны, на которые собрались все художники, но речь произносил только он. Эту речь, тщательно ее переписав, он тут же в письме и шлет матери. Впоследствии он сильно ее переделал. Напечатана она была в журнале «Искусство и печатное дело» за 1910 г., в № 10—11, под редакцией Яремича. Этот 1910 год журнала весь посвящен Врубелю.

В эту весну Ал. Ал. приходилось часто говорить публично, приходилось выступать печатно: «Я терзаюсь статьями, — пишет он матери, — хочу быть художником, а не мистическим

Глава девятая

Уехал Блок 5-го июля вечером. Следующее письмо получено в Шахматове уже из Вержболова.

Через Берлин, Кельн, Париж Ал. Ал. отправился в Бретань, в купальное местечко Abervrach, где ожидала его жена.

Из Берлина открытка: «Мама, я уже в Берлине, пью кофей. Спал скверно, потому что был увлечен полетом поезда и ультрафиолетовыми лучами ночника. Удивительный и знакомый запах в Германии...»

Из Кельна тоже открытка:...«пришлось пересест в первый класс (из Ганновера до Кельна), потому что на Фридрихштрассе сели в мое купэ французские буржуа и австрийский лакей, и стали ругать Россию с таких невообразимо мещанских точек зрения, что я бы не мог возразить, если бы и лучше говорил по-французски...»

Из Парижа Блок прислал матери целую коллекцию карточек с изображением химер Notre Dame. Париж ему сразу очень понравился — кажется, в первый и последний раз в его жизни. Вот что он пишет отсюда матери:

«Мама, вчера еще утром я был на Unter den Linden, а вечером я стоял на мосту Гогенцоллернов над Рейном и был в Кельнском соборе, а сейчас пришел из Notre Dame, сижу в кафэ на углу Rue de Rivoli против Hotel de Ville, пью citronnade; поезд мчался еще быстрее, чем в Германии, жара вероятно до 40°, воздух дрожит над полотном, ветер горячий, Париж совсем сизый и таинственный, но я не устал, а напротив чувствую страшное возбуждение. Париж мне нравится необыкновенно, он как — то уже и меньше, чем я думал, и оттого уютно в толпе

Страшно весело — вокруг гремят и кричат, я сижу почти на улице...»

Следующее письмо уже из Аберврака (24 июля) :

«Мама, я здесь уже третий день. Третьего дня — выехал из Парижа, было до 30°, все изнемогали в вагоне, у меня уже начало путаться в голове; так было до вечера. Вдруг поезд пролетел два коротких туннеля — и все изменилось, как в сказке: суровая страна со скалами, колючим кустарником и папо-

ротником и густым туманом. Это — влияние океана — уже за час до Бреста. В Бресте — рейд полон военных кораблей. Я подумал — и вдруг решил ехать на автомобиле, и не ночевать в гостинице. 36 километров мы промчались в час. Очень таинственно: ночь наступает, туман все гуще, и большой автомобиль с фонарем несется по белым шоссе, так что все шарахаются в стороны. И черные силуэты церквей. Наконец появились маяки и мы, проблуждав некоторое время в тумане, нашли гостиницу и въехали во двор

Мы на берегу большой бухты, из которой есть выход в океан.....

Живем окруженные морскими сигналами. Главный маяк (за 10 километров от нас в море) освещает наши стены, вспыхивая каждые 5 секунд. Рядом с ним — поменьше — красный.... Кроме того — значки на берегах — все для обозначения фарватера. Вчера был легкий бриз, и мы выезжали на парусной лодке в океан, а потом — в порт Аберврака, где стоит угольщик. Этот угольщик — разоруженный фрегат 20-х годов, который был в Мексиканской войне, а теперь отдыхает на якорях. Его зовут «Melromene». На носу — Мельпомена: белая статуя, стремящаяся вперед в море. Пустые люки от пушек, а в окнах видны дети. Нет ни брони, ничего, мачты срезаны на половину, реи сняты. А когда-то воевал».....

В конце этого письма приписка: «Совершенно необыкновенен голос океана. Большая Медведица на том же месте. На юго-востоке — звезда, похожая на маяк»...

Следующие письма из Аберврака написаны на целых коллекциях карточек с местными видами. Купанье нравится, идет хорошо, гостиница прекрасная.

27 июля:

«Мы живем в доме XVII века, который был церковью. Рядом с моей комнатой прячут обломки кораблей»...

Во всех письмах, кроме подробностей обихода и купанья, описываются особенности океана, приливы и отливы, появление на горизонте кораблей. «Можно представить себе ужас океана, только увидав его... Между тем, только на днях мимо нас прошла японская эскадра в Шербург. Постоянно ходят военные корабли. Наконец, есть корабли Hamburg-Arrferika-Linie, втрое больше самого большого броненосца (до 8000 человек и груз).

Пѣсня. Рыцарь - Трудящееся "

Реветь ураган,
Тоетъ океан,
Взбѣхнѣ кружится снѣгъ!
Мгнѣтся мнѣ вѣнчанный вѣхъ!
Скитисъ блаженный брѣхъ!

Въ темнотѣ разбѣсѣннѣхъ ногъ
Трѣхъ шумитъ а поетъ.
Трѣхъ незримъ въ огнѣ
Смотритъ а судьбѣ предетъ.

Смотритъ пертъ огневой
Рыцарю въ огнѣ закатъ,
Да каде судьбой рѣковой
Звѣзды ногъ вретъ.

Мира восторгъ безраздѣльный
Сердцу пѣвучему данъ!
Въ путь роковой и безцѣльный
Шумитъ зовѣтъ океанъ!

Сдаётся leicht невозможной,
Сбудется, что суждено!
Сердцу закон непреодолим —
Радость — Страданье одно!

Вь прошлой — Гда и утрата,
Что тебе видеть вперед? —
Ставь же свой парус ко снам твоим,
Свечи свои крѣпкие лав
Знакомь креста на груди!

День твой предущий ^{считанье} ~~в твоем~~ —
Пусть же подь песни волеи
Рыцарю снится в ^{мгненье} ~~снѣданье~~
Милой Арморикки сны!

Реветь ураган,
Поет океан,
Вбѣхъ кружится снѣгъ,
Вьзвѣтъ иновѣстѣ вѣтъ,
Снится блѣдный брегъ!

Первоначальная редакция «Песни Гаэтана»
(драма «Роза и Крест»).

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49